Самоорганизация при отсутствии, неэффективности или невозможности рынков

Юлия ВЫМЯТНИНА,
профессор факультета экономики, Европейский университет в Санкт-Петербурге

В 2009 году премия Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля была присуждена Элинор Остром (Университет Индианы, США) и Оливеру Вильямсону (Университет Калифорнии, Беркли, США) «за исследования в области экономической организации». Оба лауреата обратили внимание на то, что в вопросах, казалось бы, уже решенных в экономической теории, на практике есть нюансы.

Экономическая теория предлагает два решения этой проблемы: передать ресурс государству или частному собственнику

Нобелиаты 2009 года несколько выбиваются из привычного ряда удостоенных этой награды экономистов. Возможно, причиной тому стало присуждение премии в разгар последствий экономического и финансового кризиса 2007–2008 годов, когда профессиональные экономисты были не слишком популярны. Присуждение Нобелевской премии по экономике именно этим ученым позволило обратить внимание на менее мейнстримные работы и напомнить, что экономика находится в ряду других социальных наук (скромно затушевав факт «экономического империализма» — наблюдаемого многие годы проникновения экономистов со своими теориями и методами работы с данными в смежные социальные (и даже гуманитарные) науки. Этот термин, видимо, начал использоваться еще в 1930-х, но известность приобрел после публикации статьи Лазира с таким названием в одном из ведущих мировых экономических журналов в 2000 году[1]). Немаловажным стало и то, что впервые этой премии оказалась удостоена женщина. С ее вклада и начнем.

Элинор Остром обратила внимание на то, что «трагедия общин» не всегда наблюдается на практике. Напомним, что термин «трагедия общин» ввел в оборот в 1968 году биолог Гарретт Хардин, комментируя стремительную деградацию природных общих ресурсов по всему миру. Общие ресурсы по определению находятся в коллективной собственности, что с точки зрения стандартной

[1] Edward P. Lazear, Economic Imperialism, The Quarterly Journal of Economics, Volume 115, Issue 1, February 2000, Pages 99–146.

Если участники знают, что они взаимодействуют вдолгую, им выгодно выработать правила, позволяющие поддерживать общие ресурсы и извлекать из них выгоду на протяжении длительного времени

экономической логики приводит к неоптимальному их использованию. Если какой-то ресурс — пастбище или популяция рыбы — находится в собственности коллектива, все члены которого имеют к нему доступ, то частная выгода от использования ресурса (выпас большего количества скота или вылов большего количества рыбы) превышает частные издержки на пользование этим ресурсом. В результате никто не принимает во внимание истощение общего ресурса, пока не становится слишком поздно.

Экономическая теория предлагает два решения этой проблемы: передать ресурс государству или частному собственнику. При любом варианте за пользование этим ресурсом будет установлена плата, которая позволит регулировать его использование и предотвращать избыточную эксплуатацию. Остром же обратила внимание на то, что в ряде случаев трагедии общин удавалось избежать в случае как раз коллективной собственности. Интересный пример[2] — пастбища на территории приграничных районов Монголии, Китая и России. Традиционно здесь жили кочевники, которые регулировали использование пастбищ за счет сезонной миграции. Социализм в СССР и Китае привел к формированию коллективных хозяйств, которые были по определению оседлыми, тогда как в Монголии сохранили кочевой уклад. Деградация земель и явная неэффективность сельского хозяйства привели к тому, что уже в начале 1980-х гг. в Китае земли были снова приватизированы. Но проблема не была решена — частные собственники селились на земле оседло. Исчез важный механизм поддержания пастбищ — миграция.

И это не единственный обнаруженный Остром пример, когда коллективная собственность не позволяла ресурсу деградировать. Собственно, ее большая заслуга — сбор информации по большому количеству кейсов, описанных антропологами, политологами или социологами, но относившихся к разным, часто довольно узким, вопросам, а потому не попадавшим в поле зрения других ученых. Систематизация информации из этих кейсов, охватывавших весь мир от беднейших стран до США, позволила Остром выработать ряд правил, характеризующих успешные случаи коллективного управления общими ресурсами.

Некоторые из этих правил очевидны: должно быть определено, кто и в каком количестве может использовать соответствующий ресурс, должны быть определены правила разрешения конфликтов, а обязанности каждого участника по поддержанию общего ресурса не должны превосходить получаемых им от него выгод. Эти правила хорошо укладываются в логику повторяющихся игр, позволяющую преодолеть неоптимальность равновесия по Нэшу. Если участники знают, что они взаимодействуют вдолгую, им выгодно выработать правила, позволяющие поддерживать общие ресурсы и извлекать из них выгоду на протяжении длительного времени. Пример не из работы Остром, но из российской практики: на севере Архангельской области море «нареза́лось» на сектора — т. н. то́ни, — которые распределялись между семьями. Каждая семья ловила рыбу в пределах отведенного ей участка, что позволяло избегать конфликтов и поддерживать уровень популяции рыбы.

Другие правила не столь очевидны. Например, Остром выяснила, что отслеживание соблюдения договоренностей и наказание нарушителей должно выполняться самими пользователями ресурса (или кем-то, кто им подотчетен). Никакой независимый контролер не справится так же хорошо с задачей сбережения общего, но отчасти и личного ресурса. Кроме того, важно, чтобы в выработке правил и их изменении участвовали все или хотя бы большинство пользователей ресурса, а их решения признавались внешними властями. Остром была озадачена тем, что во всех примерах успешного коллективного использования общих ресурсов сами пользователи были готовы прилагать усилия к поддержанию установленного порядка пользования. Ряд проведенных ей с соавторами лабораторных экспериментов[3] показал, что люди, видимо, получают удовольствие от «наведения порядка», способствуя восстановлению справедливости. Это позволило расширить представления о рациональном выборе, дополнив набор факторов, которые человек принимает во внимание при выборе оптимального курса действий.

Оливер Вильямсон обратил внимание на другую интересную проблему в экономике: что определяет создание и размер фирм. Рональд Коуз[4] еще в работе 1937 г. отмечал, что в экономике нет удовлетворительной теории фирмы. Создание и размер фирмы не могут объясняться только технологическими особенностями или оптимальным размером управленческого аппарата. Коуз полагал, что, скорее, границы фирмы — насколько она срастается со своими клиентами или поставщиками — зависят от того, насколько внутрифирменные управленческие решения могут быть дешевле и лучше, чем результат работы рынка или заключения двустороннего контракта. Вильямсон указал, что всё дело в трансакционных издержках[5] — всех тех ресурсах, которые сопровождают заключение сделки между двумя различными экономическими агентами, — а также в неполноте реальных рыночных контрактов.

С точки зрения теории Вильямсона трансакционные издержки определяют тип организации экономических отношений в различных ситуациях. В подавляющем большинстве случаев самым подходящим типом будет рыночная организация — свободный рынок, на котором присутствует много продавцов и покупателей. Во всех

[2] Ostrom, E. (1990): Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions, Cambridge: Cambridge University Press.

[3] Ostrom, E., R. Gardner and J. Walker, (1994): Rules, Games, and Common-Pool Resources, Ann Arbor MI: University of Michigan Press.

[4] Рональд Коуз (1910–2013) — английский экономист, разработавший среди прочего теорию трансакционных издержек и внешних эффектов. В 1991 году получил Нобелевскую премию «за открытие и прояснение точного смысла трансакционных издержек и прав собственности в институциональной структуре и функционировании экономики». См. Coase, R. The Nature of the Firm // Economica, Vol. 4, №16, November 1937, pp. 386–405.

[5] Williamson, O. E. (1975): Markets and Hierarchies, New York: Free Press.

случаях, где рынок является оптимальной формой организации экономических отношений, можно отметить относительно невысокие трансакционные издержки и со стороны покупателя, и со стороны продавца. Ни одна из сторон не инвестирует значительные ресурсы в специфические активы (как физические, так и нематериальные). В некотором роде речь идет об относительно несложных и недорогих товарах — в производстве хлеба нет настолько специфических активов, которые нельзя продать другим фирмам в случае ликвидации. А отдельная покупка хлеба, даже если он оказался неудачным, не определяет качество жизни человека.

В корне иная ситуация складывается в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон — покупатель или продавец — или обе имеют специфические активы, а также высокую неопределенность относительно будущих условий, из-за чего невозможно прописать контракт, защищающий ее интересы в достаточной степени. Самый простой пример такой ситуации — поставки трубопроводного газа. Вложения в инфраструктуру есть и на стороне продавца (допустим, что ему принадлежит газопровод, компрессорные станции и пр.), но также и на стороне покупателя (сеть для приема газа или газохранилища). Такая инфраструктура — крайне специфический актив. Перемещение его в другую географическую локацию весьма затруднительно, если не сказать невозможно. В такой ситуации Вильямсон видит два выхода: при наличии возможности покупатель и продавец интегрируются, в отсутствие такой возможности покупатель и продавец несут высокие трансакционные издержки на заключение и контроль выполнения контракта, который бы максимально длительное время защищал их интересы. Именно поэтому первые межстрановые контракты на поставки трубопроводного газа были рассчитаны на 25–30 лет — это позволяло окупить строительство необходимой инфраструктуры и продавцам, и покупателям.

Однако более привычный пример, иллюстрирующий теорию Вильямсона, — шахта по добыче угля и электростанция на угле. Если на многие километры вокруг есть только один поставщик угля — эта шахта, и только один потребитель угля — эта электростанция, им дешевле объединиться в единое предприятие, чтобы совместно извлекать максимальную выгоду из обоих производств и не тратить ресурсы на попытку выторговать себе более выгодные условия. В данном случае вертикальная интеграция — невозможная в примере с трансграничными поставками газа — является наиболее рациональной формой организации экономических отношений между шахтой и электростанцией. Соответственно, слияние двух фирм, если оно способствует снижению трансакционных издержек, является экономически оправданным. Эта логика привела к изменению позиции американского антимонопольного законодательства, которое в явном виде признало, что слияние фирм обусловлено экономическими предпосылками повышения эффективности, особенно в случае вертикальной интеграции.

Одно из интересных следствий теории Вильямсона относится напрямую к корпоративным финансам, а точнее, к выбору между долговым и акционерным финансированием. Он предлагает соотнести права кредиторов и акционеров со специфичностью активов, которые необходимо профинансировать[6]. Кредиторы получают права контроля только в случае дефолта фирмы, тогда как в нормальной ситуации фирмой управляют акционеры. Для долгового финансирования лучше подходят инвестиции в неспецифические активы — в случае дефолта управление ими и их реализация создадут меньше проблем для кредиторов. А инвестиции в специфические активы лучше финансировать за счет акционерного капитала, исходя из предположения о том, что акционеры имеют возможность контролировать деятельность фирмы и ее управляющих, извлекая тем самым наибольшую выгоду от использования таких активов.

Одно из интересных следствий теории Вильямсона относится напрямую к корпоративным финансам, а точнее, к выбору между долговым и акционерным финансированием

Подводя итоги, стоит отметить, что и Остром, и Вильямсон обратили внимание на ситуации, когда рынок по каким-то причинам оказывается не лучшим выбором. В случае общих ресурсов организация рынка будет либо чрезмерно затратной, либо этически неприемлемой (если речь идет о жизненно важном ресурсе — например, чистой воде). А в случае специфических активов или локальной монополизации рынка с одной или обеих сторон более оптимальным оказывается вертикальная интеграция. Более того, благодаря Вильямсону мы точно понимаем, когда рынок хорош и уместен, что лишний раз напоминает нам об ограниченности модели совершенных рынков.

[6] Williamson, O. E. (1988): Corporate Finance and Corporate Governance, Journal of Finance 43, 567–591.

Подведение итогов регуляторных нововведений 2024 г. и планы на 2025–2026 гг.

Тренды и перспективы на 2025 г.: экспорт или локальный рынок?

15 мая
Москва

Cbonds congress

Перспективы развития рынка драгоценных металлов

I Российский форум драгоценных металлов Cbonds

Реклама